

Александр **ГОРДОН:** *Вот клуб - 1999 - 9 окт. - 95.*

А ПУСТЬ МИХАЛКОВ ИЗВИНИТСЯ ПЕРЕД НАРОДОМ

Каждые понедельник и пятницу он приходит в студию рано-рано утром. В это время большинство москвичей только начинает просыпаться. И многие из них, еще перед тем, как пойти чистить зубы, первым делом настраивают свои приемники на частоту радиостанции "Серебряный дождь", откуда звучит красивый мужской баритон. Некоторые его обожают, другие просто слушают, третьи — терпеть не могут. Но всем им безумно любопытно — что сегодня скажет этот странный ведущий программы "Хмурое утро".

— В последнее время вы все больше появляетесь на телевидении. На радио стало тесно?

— На экране я появляюсь даже больше, чем хотелось бы.

Радио — вообще отдельный разговор. Я считаю, что оно гораздо выше телевидения по ряду причин. А программа «Хмурое утро» уже скорее привычка, чем профессия. Мне некоторые слушатели говорят, что они на эту программу «подсели». Вот, похоже, и я подсел. Потому что у меня там есть возможность два раза в неделю отчитаться — живой я еще человек или уже нет. В первую очередь, перед самим собой. А поскольку программа всегда идет в импровизационном режиме, то это, на мой взгляд, гораздо ценнее, того, что я делаю на ТВ.

— И все-таки, что от вас ждать новенького на телеэкране?

— Я делаю сейчас два телепроекта — «Собрание заблуждений» и «Процесс». Будет еще один — что-то вроде телевизионного варианта «Хмурого утра». Надеюсь, это станет для слушателей приятным дополнением. Кроме того, на программе собрались такие колоритные персонажи, которые сами по себе представляют если не эстетическую и интеллектуальную, то хотя бы творческую ценность.

— Откуда, кстати, они взялись — эти Самоубийца, Евгений Карлович, Миша-тормоз?

— Да ниоткуда, с улицы. Я никого специально не выращивал. Приходят разные люди, и если они застревают в программе, то у них появляется шанс стать персонажем. Есть телефонные персонажи, которых я даже никогда не видел. А есть эти придурки, с которыми и интересно, и страшно, и потешно...

— А что это вообще за люди?

— Трудный вопрос. Я не знаю, что за человек Евгений Карлович. Профессиональный тунеядец, отсидел несколько лет в тюрьме за мошенничество. Но он очень колоритный, самобытный мужик. Подчеркиваю — мужик. Из тех, что женщинам нравятся. Он хочет и пытается стать больше, чем он есть. Сейчас по моему заданию пишет пьесу, пытался сочинять рассказы. Творческий потенциал у него огромный. Я тешу себя мыслью, что,

не будь меня, он бы спился. А я есть — так он пьет, но не спивается.

Самоубийца — это милый мальчик. Когда ему было 16 лет, он позвонил в программу и сказал, что собирается выкинуться из окна. Я его благословил на хороший полет. Он слетал, сломал ногу, после чего пришел на программу и оказался одним из самых умных людей, которых я встречал в жизни.

Миша-тормоз тоже появился с улицы. У него не было своих идей, но он очень любил новости. И я попросил его готовить новости самостоятельно. При этом запретил читать по бумажке. Он должен один раз прочесть и все, что запомнил, выдать в эфир. Получается, на мой взгляд, смешная пародия на информационные программы.

— Вы читаете стихи, как поэт. Сами пишете?

— Нет, стихов не пишу. Но полагаю, что поэты читают стихи именно так, как они и должны быть прочитаны. Я всегда ненавидел актерское смысловое чтение, что называется — «с выражением». На мой взгляд, это убивает стихотворение.

— Кстати, а почему вы так не любите Бродского?

— Когда пропадает талант, это очень больно и обидно. Я был на одном вечере Бродского в Нью-Йорке и даже сделал небольшое интервью с ним, где он буквально отрекся от своих ранних стихов в пользу стихам поздним. А его поздние стихи... Понимаете, продаться можно одним, другим, третьим. Нобелевская премия и все, что последовало за этим, вплоть до его смерти и нелепого замораживания для похорон в другом городе — это уже похоже на фарс. Человек сдался даже не судьбе, она им самим целиком выстроена. Он сдался худшему в себе. И такое предательство своего таланта всегда вызывает горечь. Поэтому я не могу уважать Бродского как человека. Другое дело, что когда-то он был очень большим поэтом...

— Вы иногда напоминаете слушателям, что на радио просто играете роль ведущего, а в жизни вы не такой. Все, что вы там говорите, тоже часть роли?

— Я отвечаю за каждое слово, которое произношу в эфире. В том числе, и в уголовном порядке. Моя роль утреннего ведущего скорее в

интонации повествования. В том же, что говорю, я убежден. Ну где мне взять другую жизнь? Поэтому своей и пользуюсь. Вы, наверное, заметили, что программа во многом автобиографична... Во многом, да не во всем. Смешно, когда меня начинают отождествлять с моим персонажем. Я вообще всегда проповедовал отказ от имиджа. Имидж — очень плоская вещь. Мне гораздо больше по душе портрет.

— По поводу уголовного ответственности... Как движется конфликт с Михалковым?

— Он подал на меня жалобу с просьбой возбудить уголовное дело по статье 230, часть 2 — оскорбление, выраженное в неприличной форме в средствах массовой информации. Пока обвинение мне не предъявлено. Я готов извиниться перед Михалковым за скандалное, если он извинится перед народом за сделанное. Тогда мы будем квиты. Но он этого не хочет. Поэтому компромисса мы пока найти не можем. А вообще вся проблема в том, что господин Михалков должен будет доказать неприличность формы. Но ведь даже в научном мире большой вопрос — считать слово «б...» неприличным или нет?

— Давайте о чем-нибудь повеселее. Например, о театре. Вы ведь актер по образованию. Почему же не стали работать там?

— Я закончил Щукинское театральное училище. Честно скажу — на тот момент я понимал театр по-своему, и не было ни одного театра, где я бы хотел работать. И вообще потерял интерес к театральной профессии, потому что узнал, как это делается. А когда решил, что актером не буду, стал думать — что я еще умею в этой жизни. Понял, что очень немного, и тогда обстоятельства и возраст толкнули к решению уехать из России. Что я и сделал. Потом — работа на американском местечковом телевидении, потом «Нью-Йорк, Нью-Йорк», возвращение сюда... Так или иначе, в кадре я себя всегда чувствую актером, поэтом и не тоскую по театру.

— Как только вы ушли из «Нью-Йорк, Нью-Йорк», программу стало смотреть совершенно не интересно. На кого ж вы нас покинули?

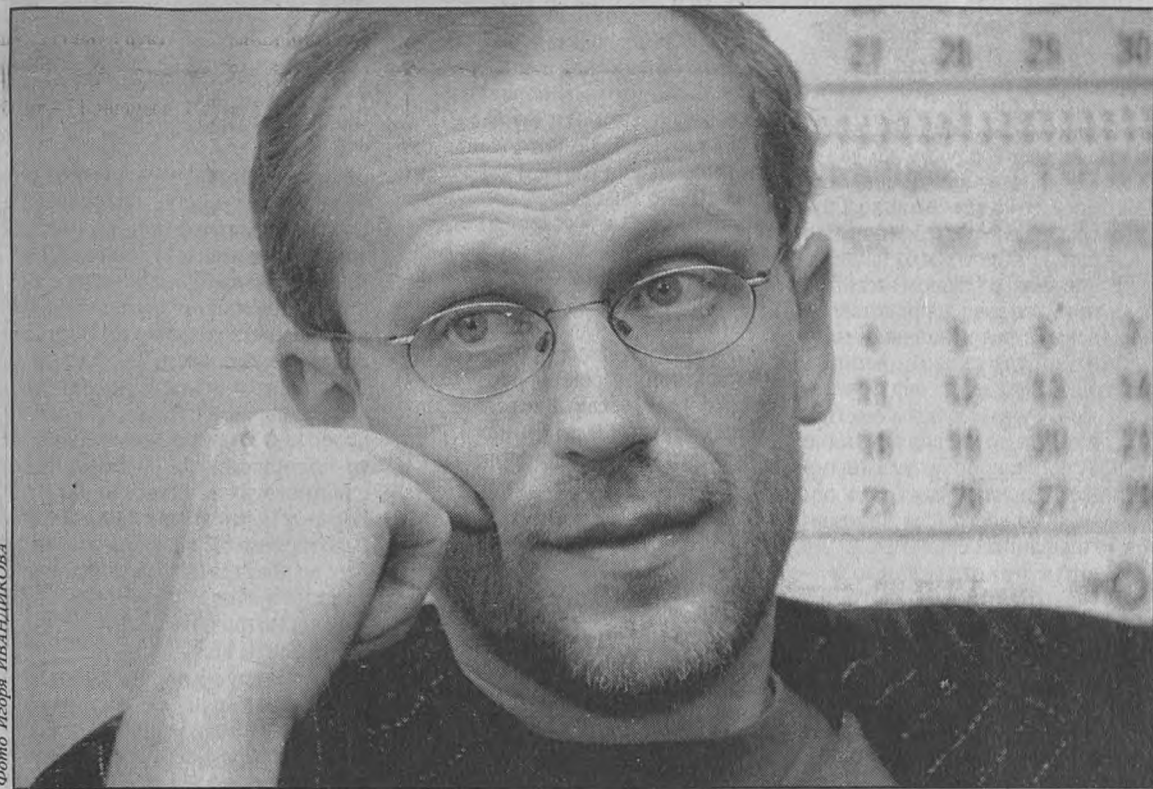

Фото Игоря ИВАНЧИКОВА

— Программа эта авторская, индивидуальная. Попробуйте заставить Толстого дописать «Братьев Карамазовых». Так и здесь — программа существовала до тех пор, пока я хотел ее делать. Но когда я снял сто две передачи и, как мне казалось, рассказал обо всем, у меня к ней пропал интерес. И я отдал программу своей первой жене Марии Бертниковой. Конечно, то, что у нее получилось, — совсем другое кино.

— Известно, что вы недолюбливаете американцев...

— Странное сообщество эти американцы. Если бы не их лицемерие, не декларация на каждом углу американского образа жизни как единственно правильного, можно было бы к ним относиться и помягче. Понимаете, Америка первая скатилась к пролетарской культуре в самом дурном понимании. Она первая села на задницу перед этими раскрытыми ртами — давай хлеба и зрелищ! И научилась делать и хлеб этот дешевый, и зрелища. А теперь пытается накормить ими весь мир. У наших даже самых необразованных людей есть одна вещь, которую американцы никогда не проходили. Они знают не понаслышке, что такое жизнь, смерть, голод, тоска, любовь. А американцы все-таки немножко комикские ребята. Из тех, кто уехал из России в Америку, я знаю очень много благополучных людей. И не знаю ни одного счастливого.

— Потому сюда и вернулись...

— То, что я совершил ошибку, я понял в Америке на второй год. Но пока была семья, работа, коллектив, который от меня зависел, я был обязан жить немножечко и для них. Но в один прекрасный момент я понял, что больше так не могу. И принял решение расстаться со всем, что меня там держало. Сейчас не жалею об этом.

— А как же ваш ребенок?

— Да, к сожалению, Аня осталась там. И все попытки вернуть ее сюда натыкаются на так называе-

мое американское правосудие и абсолютное нежелание моей бывшей супруги пойти навстречу.

— Что-то мы все к печальным вещам возвращаемся. Давайте поговорим о вашей политической деятельности. Что это за партия у вас такая странная — общественного цинизма?

— Самые трезвые мысли всегда высказываются людьми в шутовских нарядах. ПОЦ — вне всякого сомнения пародийная партия. Но она, как ни странно, с большим уважением относится к тому, что у нас называют популизмом. Популизм — это ведь не то, что люди хотят от тебя услышать. Популизм — это то, чего люди хотят. А если у тебя нет способов исполнить их желания немедленно, то надо хотя бы им сказать: вы сами можете все получить, если... И дальше перечислить самые обычные вещи. Если сами не будете идиотами. Если те, кого выбираете, не будут идиотами. Если жизнь ваша не будет ограничиваться квартирой с своромом и железной дверью, а выйдет хотя бы в подъезд, а потом на улицу. Если вы не будете заставлять жену делать третий аборт, а все-таки родите третьего ребенка...

— В предвыборной гонке не собираетесь участвовать?

— Да нет, конечно...

— А голосовать пойдете?

— За депутатов? Нет, не пойду.

Но буду требовать от своих радиослушателей идти голосовать — для того, чтобы вычеркнуть всех. Потому что я абсолютно уверен, что нам не нужна Дума ни в каком виде. Полагаю, что единственной формой правления в нашей стране может быть самодержавие. Так что здесь мы немножко смыкаемся с Михалковым. Одна беда — он за наследственную монархию, а я за выборную. Потому что мы ведь очень хорошо знаем, какие могут быть дети у великих людей.

— Вы, кажется, еще и деспот...

— А я в демократию не верю. Где мне ее проявлять? Сами подумайте, может режиссер в театре быть демократом? А полковник в армии? А муж в семье? Я был бы рад стать демократом, но нет областей применения. Так что да, я деспот.

— Вы к себе, мягко говоря, неплохо относитесь. А бывают хоть изредка минуты неуверенности?

— Да постоянно. Всякий раз, когда мне нужно показать снятую телепередачу, я стогаю от стыда. Кажется, что дистанция между сделанным и тем, как это можно было сделать, — огромна. Это все обычные вещи...

— Можно глупенький вопрос — чем в свободное время занимаетесь?

— Я домосед. Читаю. Футбол смотрю. Когда появляется возможность выбраться в деревню, это счастье.

— А гвоздь можете забить или в розетке поковыряться?

— Я, между прочим, радиомонтажник пятого разряда. Могу разобрать-собрать телевизор. Правда, не факт, что он будет работать... Но это не то, чем хотелось бы заниматься в жизни, даже если припрет. Надеюсь, что писать буду. У меня два желания осталось — снимать кино и писать. Но пока ни то, ни другое, увы, не выходит. На кино нет ни времени, ни денег, а писать пока не приспичило.

— А чисто человеческие желания — чего-нибудь не хватает?

— Дайте подумать... Ребенка хочется, может быть, даже не одного. Квартиру — у меня своей нет, снимаю. Хочу поехать в Карелию — два года назад купил там дом и ни разу не был. Вот вам обычные человеческие желания.

Встречался Александр ПЬЯНКОВ

P.S. А на 6-й стр. вы можете познакомиться с мнением нашего телеобозревателя о новой работе Александра Гордона — передаче «Процесс».